

2017
Verlag «STELLA»
Deutschland

Посвящаю эту книгу моему отцу
Станиславу Игнатовичу Цегельник

УДК 821.161.1-1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-
5я44
Ц29

Ц29 Эвелина Цегельник. Улыбаясь уголками рта.
Рассказы для детей.
Фотохудожник Артём Малышкин.
Фотомодели: Мирослава и Милан Малышкины; Ангелина Будная.
Издательство «STELLA», Германия, 2017. — 115 с.

Я — Эвелина Цегельник. Детский писатель. Моя самая любимая возрастная аудитория — ребята младшего и среднего школьного возраста. Я вслед за ними впадаю в детство, выпадая из реальности. Останавливается время, девочка Элли из Летающего Домика приземляется в Страну Невыученных Уроков, впитывать в себя, как губка, что-то очень важное про настоящую дружбу, любовь и красоту, которую взрослые так редко замечают… Скажу по-секрету: телепорт в детство — есть у каждого в голове. Главное — не завалить его разным взрослым хламом. Герои моих рассказов обязательно совершают какие-нибудь удивительные открытия, с ними постоянно случаются таинственные приключения.

© Цегельник Эвелина, текст, 2017.
© Цветков Виталий, дизайн обложки, 2017.
© Малышкин Артём, фотоссесия, 2017.
© Малышкин Милан, фотомодель, 2017.
© Будная Ангелина, фотомодель, 2017.
© Малышкина Мирослава, фотомодель, 2017.

ISBN 9783957720917

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, использование фото из книги, включая размещение в сети интернет, возможно только с письменного разрешения правообладателя.

2017: Verlag «STELLA», Deutschland

Эвелина Цегельник

Улыбаясь уголками рта

Если вы обладаете достаточным чувством юмора и вас раздражают бесполезные советы взрослых, вполне вероятно, что у вас появится желание прочитать эту книгу.

Новенький

Откровенно говоря, история этого мальчика мало похожа на правду. Однако, рассказавший мне её человек утверждает, что это полная правда, которая имела место в одной средней школе, называть которую не представляется возможным, потому что таково было условие рассказчика.

В общем, в одном типичном городе N была типичная средняя школа. В один прекрасный день в этой школе произошло то, что рано или поздно должно было произойти. В неё вошёл очень странный мальчик. Вошёл, немного потоптался в вестибюле, бестолково перечитал все надписи и вышел. Появился он только через неделю. В сопровождении солидного конвоя. По тому, что хлястик на пиджаке конвоированного болтался, было ясно, что мальчик сопротивлялся. Мальчика довели до нашего класса и закрыли за ним дверь. Так в нашем классе появился новенький.

Каково же, представьте, было моё удивление, когда новенький прошёл как ни в чём не бывало через весь класс и сел со мной рядом.

К счастью, он оказался незлобивым и предложил мне сразу целый блок жвачки. А в перемену раздал желающим все свои карманные деньги. Правда, на следующий день мальчик вежливо попросил деньги вернуть. Некоторые покраснели и вернули. Другие тоже покраснели, но отвели глаза: возвращать было нечего. Деньги давно были потрачены в школьном буфете. Спустя неделю мы узнали, что мальчик имел несколько фамилий. Тут следует сделать первое отступление…

Кому-то в жизни не везёт с ушами, кому-то — с носом. Новенькому не повезло с фамилией. В школе ходили сразу четыре варианта его фамилии: Волосатов, Волосатый, Волосяный и Волосков. Причём он поддерживал все четыре. И это было забавно. Потому что все учителя называли Ивана по-разному. Да что учителя, если даже ребята толком не знали его фамилии. Да и сам новенький к тому не очень стремился. Пока в конце-концов кто-то не заглянул в его тетрадь. Новенький был Волосик. И тут следует сделать второе отступление.

Бывают такие люди, которые, даже сидя с отличниками, пишут на двойки. И даже когда «делают» с отличником один вариант, всё равно получают двойку. Я бы такой возможности не упустил. Но я был отличником, поэтому

жалел Ваню ужасно. И всё время давал ему списывать. Ваня из десяти задач успевал списать только одну, да и то не правильно. Несмотря на это, Ваня был убеждён в своей гениальности.

Просто он обладал таким талантом, который до сих пор не проявился. И, чтоб проявить талант, он внедрял в жизнь все свои фантазии. Но, увы, в ответ над ним только потешались. Но Ваня не обижался. Он вообще редко на что обижался и реагировал. Даже на Борю — звезду школьной футбольной команды. Боря сидел сзади. И, напротив, реагиро-

вал сильно: он целый урок пилил Ване ухо линейкой. Линейка была большая, шершавая. За сорок минут ухо распилить можно довольно-таки сильно. Поэтому Борька допилился до того, что ухо у Вани заболталось на ниточке. И Ваню к уху пришлось пришивать обратно. Но Ваня не расстраивался: он выдерживал характер.

Однако ребята после этого перестали воспринимать его всерьёз и больше с ним не водились, решив, что Ваня — свежий дурак с мороза. В подтверждение этого Ваня ходил всегда розовощёкий и вечно попадал в какие-нибудь истории.

Про то, как Ваня подставил Марь-Ванне дружеское плечо

Однажды на урок русского языка пришёл директор школы. Суровый такой, замученный детьми. Это были такие дремучие времена, когда директора школ ещё ходили к ученикам на урок, чтобы послушать, правильно ли их

учат. Так вот, решил Ваня показать «суровому директору», что предмет знает. Да и училке подставить «дружеское плечо».

И как только учительница начала объяснять новое правило, сразу же поднял руку.

Мария Ивановна удивилась и спросила: чего, мол, тебе, Ваня, надо? Может, выйти куда? А он ей: «Не нужно мне, Марь-Ванна, никуда идти. Я

по существу вопроса хотел сказать. Хорошо вы, Марь-Ванна, объясняете. Доступно. Примеров много даёте. Только я начало пропустил. Повторите, если не трудно, сначала».

Ну, Мария Ивановна после Ваниных слов немного покраснела, но правило повторила. А Ваня опять: «Середину прослушал. С середины начните». Мария Ивановна ещё сильней

покраснела, но начала. А Ваня вежливо так подсказывает: «Примеры забыли. С примерами, пожалуйста!» Так, мол, и так.

Мария Ивановна уже красная, будто свёкла. А Ваня не унимается: расскажите да расскажите правило вновь.

Тут с Марией Ивановной стали происходить чудеса: одышка какая-то появилась, говорить, спотыкаясь, стала.

А Ваня не отстаёт: не должно здесь быть так, говорит, должно быть вот так и вот так. При том ещё к доске сам вылез.

Учительница ему: «Сядь, Ваня, на место». А он: «Неправильно вы всё делаете! Неправильно вы всё делаете!!!» Кончилось это тем, что Мария Ивановна попросила Ваню изложить свои соображения в письменном виде на отдельном листке и не мешать вести урок. И Ваня на время угомонился. Но листок быстро кончился, и он снова поднял руку.

И вот тут «Марь-Ванна» остановилась и первый раз посмотрела на него неодобрительно. Ваня даже рот открыл от удивления. Чего это она? Чем это он ей не понравился? Так вот и сидел с открытым ртом, потому что Мария Ивановна от него отвернулась. И, чтоб привлечь её внимание, Ване пришлось громко закашлять.

Он так неистовствовал, так заходился, что Мария Ивановна наконец не выдержала, повернулась. И тут ей на помощь пришёл Борька: он так навалился на Ваню, что хотел было Ваня вскочить, да не смог.

Что он только не делал: отпихивался руками, брыкался ногами, бодался головой. А после царапался и кусался. Ничего не помогало. Боря держал крепко, всё время приговаривая: «Держись, Ваня, держись. Ты сможешь! Держись!»

Но, видно, и у Бори там что-то не заладилось, потому что Ваня всё-таки вскочил. Он и потом всякий раз вскакивал, как только узнавал новую вещь. И громко выкрикивал: «Как так? Не может такого быть! Да я же знаю!» Теперь уже Мария Ивановна побледнела. Лицо её становилось всё белее и белее. Хорошо, что урок всего сорок минут, а то бы она совсем в Снегурочку превратилась.

Теперь вам ясно, отчего буквы домашнего задания, которое Мария Ивановна записывала на доске, плясали из стороны в сторону: «Марь-Ванна» волновалась!

Ваня же, напротив, угомонился, так как ему требовалось время, чтоб застегнуть пуговицы на штанах и рубашке, повылазившие из всех петель.

— Ребята! — обратилась Мария Ивановна, откладывая в сторону мел. — Все записали задание? Всем всё понятно? — она даже взглянула на Ваню: нет ли руки?!

А Ване не до того. Некогда отвечать. Он сосредоточенно застёгивал пуговицы на штанах и рубахе.

— Всё, Марь-Ванна! — поддержали ребята.

Учительница перевела дух и начала быстро стирать текст с доски.

Когда под тряпкой исчезло последнее слово, Ваня, наконец, справился с последней пуговицей и высоко поднял руку.

Когда Мария Ивановна увидела Ванину руку, по её лицу пошли пятна. Они были большие, белые, с тонким малиновым ободком.

— Что тебе, Ваня? — спросила Мария Ивановна.

— Скажите, пожалуйста, а что задали?! — поинтересовался Ваня.

Хорошо, что прозвенел звонок. А то бы директор «Марь-Ванну» живо уволил. Потому что волосы у неё на голове стали, как у панка.

Но урок, наконец, кончился, и все побежали в буфет. Ваня бежал впереди всех. Он только потянулся к лотку за булкой, как кто-то ловко схватил его руку.

— Стой, а деньги?

— Какие деньги, мне булку в долг! — пояснил Ваня, высвобождая из плена руку. И торопливо откусил захваченный трофей (пока не отобрали).

— Ах, в долг! — встала в позу буфетчица Валя. — А когда заплатишь за пять булок, съеденных на прошлой неделе?

— А, тёть Валь, вы про те булки, — рвал зубами булку Ваня. — Так ведь неделя ещё не кончилась. В смысле «булочная неделя».

Было только пять булок. Сегодня — шесть. И одну я съем завтра. В неделе, тётя Валя, семь дней. Значит, за семь дней я могу съесть целых семь булок. Я съел пять. Сегодня — шесть. И одна завтра! — Ване очень понравился ход его мыслей. Тёте Вале — напротив. Отчего она жутко позеленела, а бородавка на конце её носа стала малиновой.

«Наверно, съела чего-нибудь», — решил про неё Ваня и торопливо засунул в рот последний кусочек.

За седьмой булкой Ваня так и не пришёл. Потому что надо было исправлять оценку по геометрии.

Решал Ваня по геометрии плохо. Но при этом бурно доказывал, что это у него правильно, а у всех других неправильно. Например, подходит к нему учитель, тычет пальцем в тетрадь, говорит: «Тут должен быть минус, а тут плюс».

А Ваня в ответ: «Нет, вот здесь должен быть плюс, а здесь минус!» Учитель его снова поправляет.

А Ваня: «Значит, мы пришли к противоречию. Теорема доказана». Потому что так заканчиваются в его учебнике все теоремы.

Урок геометрии или Полный провал резедента

История номер два случилась именно на уроке геометрии. Нужно было рассказать решение задачи. Задачу эту я Ване решил. Ему оставалось её только запомнить.

Что он и делал два следующих дня, испытывая меня как натуру.

Задача была сложная. Понять её Ване было невозможно. Только запомнить. И Ваня «запоминал».

Звонок застал Ваню на месте. Учительница вошла и спросила: «Ребята, кто хочет рассказать, как решается эта задача?» Тут Ваня прямо-таки выпрыгнул из-за парты: «Я хочу, я!»

Учительница вызвала Ваню к доске и раскрыла перед ним левую половинку. Там заранее были нарисованы два треугольника (задачка была именно на треугольники).

Приблизившись вплотную, Ваня заметил серьёзную проблему: дело в том, что стороны треугольников были обозначены не как в учебнике, а совсем по-другому.

Тут Ваня запаниковал. Он попытался в уме переставить буквы (конечно, правильно догадался: брать свои буквы и заменять «чужие»). Но это оказалось не так-то просто. Он делал одну ошибку за другой: писал то «свои», то «чужие» буквы.

С большим трудом Ваня дошёл до конца. Тут надо было бы Ваню пожалеть и отправить на место.

Но случилось непредсказуемое: учительница решила дать ему ещё одну задачу. Новую

задачу Ваня не решил бы никогда. Он не решил бы и старую, если б не тренировался на натуре. И тогда он сказал учительнице, что это не честно.

— Я хорошо работал, Анна Васильевна, — рассуждал раздосадованный Ваня. — Мне и четвёрки хватит.

— Но на четвёрку твой ответ не тянет, Ваня. Надо решить ещё одну задачу! — запрекалась учительница. — Построй-ка нам прямоугольный треугольник по гипотенузе и высоте. И высоту эту опусти из вершины прямого угла на гипотенузу.

— Да что вы, Анна Васильевна, — перепугался насмерть Ваня, — скажете тоже, зачем мне четвёрка?! Мне и тройки вполне хватит! — И попятился задом к двери.

«Ладно-ладно, — затаил обиду Ваня, — она ещё пожалеет». И тут надо сделать новое отступление. Потому что Анна Васильевна действительно пожалела…

Над дверью математического класса висели часы. Они были подарены школе самим мэром. Часы были белые, с римским серебряным циферблатом.

Анна Васильевна протирала их каждый день фланелевой тряпочкой: делая из столов и стульев баррикаду и взбираясь по ней наверх,

на книжный шкаф. Сдувала, как говорится, пылинки ценой собственной жизни.

Да и что говорить, было зачем стараться: поглазеть на них приходило много любопытствующих. Не всякий раз мэр дарит часы школам…

Так вот, пятясь задом, Ваня так шарахнул по двери спиной, что бесценные часы закачались. И вот тут-то…

— Нет-нет, не делай этого! — в смертельном испуге воскликнула Анна Васильевна.

Она задохнулась от волнения и даже попыталась запрыгнуть на шкаф.

Но часы всё-таки рухнули. На пол. Осколки разлетелись по всему классу.

Учительница вцепилась руками в спинку стула и стала хватать воздух ртом.

Наверно, она очень рассердилась. Ничьей злой воли тут не было, просто такое иногда случается. Любой в нашей школе это подтвердит.

Но Ваня быстро нашёл выход из положения — он просто взял и вышел.

Про ёлку или как Ваня и Толя бандитов ловили

Не знаю, поверите ли вы всему тому, что произошло. Я б ни за что не поверил. Но всё, что случилось в прошлую пятницу, — чистая правда.

В тот день Ваня опоздал на урок. Вернее, не на урок, а уроки, потому что пришёл к концу второго.

Дело в том, что с Ваней произошла невероятная история. Хоть он и объяснил учительнице, что выносил ёлку, а потом на площадке перегорела лампочка, и он помогал дворнику Степану ловить преступника. Однако учительница в его болтовню мало поверила.

А дело было так. В пятницу папа поручил Ване вынести ёлку (она второй месяц в квартире стояла — осыпалась вся).

Мусорная машина подходила к дому двадцать минут девятого. Ваня учился с 8.30. То есть как раз успевал.

А тут заходит друг Толя с девятого этажа (они с ним вместе в школу ходят, только Ваня в одной школе учится, а Толя — в другой).

«Давай, — говорит Толя, — я тебе ёлку помогу вынести». Ёлка — большая, тяжёлая. Одному не справиться. Ну, Ваня и говорит: «Давай!»

Подняли они ёлку, а та совсем старая — на ходу рассыпается. Так что пока они её до лифта тащили, весь палас по дороге обсыпали.

А тут ещё дверь в квартиру возьми да захлопнись. Хорошо, Ваня ключ с собой взял. А то портфели там, а они здесь. А без портфеля как пойдёшь в школу?

Ваня дверь открывать, а ключ в замочную скважину не вставляется: с той стороны что-то мешает.

Заглядывает Ваня в замочную скважину, а там… полно иголок! В сердечник замка забились, не дают ключу повернуться. Тут лампочка в коридоре: «Ба-бах!» И как не бывало. Темно стало. Ничего не видно.

Толик кричит: «Как это у тебя иголки в замочную скважину попали?» А Ваня: «Почём знаю, вместе тащили, ветка, наверно, зацепилась!» Опять ключ вставляет, он опять не лезет.

Ребята ёлку на лифте вниз отправили и назад — дверь открывать. Только у них ничего не выходит: и иголки не выдуваются, и ключ в замочную скважину не лезет.

Толик кричит: «Дай мне! Я попробую!» А Ваня: «Отойди, не мешай! Сам открою». Тут Толик его за рукав хвать — ключ из рук Вани и вывалился. По полу два раза дзинькнул и затих.

Шарит Ваня по полу, шарит: нет ключа. А Толик рядом носом хлюпает: где ключ, да где ключ? А Ваня ему: «Где, где! В Караганде! Понятия не имею. Не надо было за рукав дёргать!»

У Толи с детства проблемы с лёгкими были: всё время носом хлюпал. Его и ребята так в школе дразнили — Хлюпик. Ну, это в школе. Ваня же его так никогда не называл.

— Ну так что, так вот и будем весь день в коридоре торчать? — хлюпает Толик. — Где ключ, говорю?

— А где он ещё может быть? — безнадёжно машет рукой Ваня. — Всё там же, на полу. Вот только где — не вижу!

Толик присел на корточки и тоже стал рукой шарить.

— А давай начнём спички жечь, вот ключ и найдём, — вдруг встрепенулся Ваня.

— А у тебя спички есть? Где их возьмём?

— Ну… — стал мычать Ваня. — Давай в квартиры позвоним.

— Дельная мысль, — согласился Толя. — Звони!

«Нет, к этому недотёпе заходить сегодня не следовало! — думал Толя, помогая звонить во все квартиры. — С ним вечно какая-нибудь история случается». Толя бросил немой взгляд на Ваню, а тот и не видит: темно ведь.

Из квартир никто не выходил: видимо, ушли на работу.

В одной квартире громко лаяла собака, а в другой — скреблась кошка. Зря только старались.

Чтобы успокоиться, Толик начал ходить по площадке из угла в угол (чем очень раздражал Ваню). Ничего не помогало: он не успокаивался.

Ваня сел на перила и посмотрел вниз. Где-то там, вдалеке, одиноко светила тусклая лампочка. «Это на кого ещё он там смотрит?» — недоумённо подумал Толя.

— Ну что там?

— Ничего особенного, — как можно более безразлично сказал Ваня. — Человек какой-то поднимается.

— Ну так сбегай к нему быстро за спичками. Всё равно никакой другой пользы от тебя не будет.

Ваня сошёл на пятый этаж и окликнул человека. Незнакомец стоял у двери профессора

Пичугина и, чуть нагнувшись, оглядывал замок. Незнакомец вздрогнул, направил на Ваню включённый фонарь. Рука его была в перчатке. Другую он прятал в плаще.

— Извините, пожалуйста, — сказал Ваня. — Вы не могли бы помочь открыть дверь?!

Незнакомец оживился.

— Скажешь тоже, — ухмыльнулся он. — Только этим и занимаюсь.

— У нас иголки в замке застряли, — заторопился Ваня.

— И каким это образом? — поинтересовался незнакомец.

— А вот пойдёмте, и вы всё сами увидите. Я ёлку выносил, а дверь возьми да захлопнись.

— Ладно, пойдём, — согласился человек. — Только быстро.

— Конечно! — ответил Ваня и направился первым.

Между пятым и шестым этажом Ваня вдруг остановился и задумался: чего это незнакомец делал возле профессорской двери? Дело в том, что профессор Пичугин только вчера уехал в Африку. Ваня с ним вместе на лифте спускался, и профессор пообещал ему привезти из Африки лист баобаба.

Ваня бывал у профессора часто, одалживал то одну, то другую книгу.

«Странно, — морщил лоб Ваня. — Никак не пойму, что этот тип делал у профессорской двери, и почему я никогда его раньше не видел?! Подозрительный какой-то. И чего это он там разглядывал?!»

Ваня поднимался всё медленнее и медленнее и к концу еле передвигал ногами.

«Если это вор, то в таком случае… — медленно соображал Ваня, — я должен подать Толе какой-нибудь знак».

— Эй, малец, ты что бубнишь себе под нос? — весело заговорил незнакомец. Он шёл и думал, что ему давно уже так не везло, не улыбалась такая удача: открыть дверь по чьей-то просьбе. Вот это да, вот это слу-

чай. Это он понимает. И незнакомец опять улыбнулся. А Ваня нарочно громко запел:

«Если кто-то кое-где у нас порой
Мирно жить не хочет…»

— Ты, это, прекрати, — забеспокоился незнакомец. — Я песен не люблю!

А Толик — он умный, сразу всё понял: шмыг за мусоропровод.

Тип подошёл к двери, посветил фонарём и внимательно осмотрел замок. Конструкция замка была самая простая.

— Сущий пустяк! У меня и ключик подходящий имеется…

Незнакомец тут же вытащил из кармана связку ключей и стал подбирать нужный, по очереди вставляя в замочную скважину. С той стороны явно что-то мешало.

Незнакомец удивился. Ему обычно не составляло труда открыть какую бы то ни было дверь. А тут — банальный случай, самый простой замок. Он посветил фонарём, ещё раз заглянул в замочную скважину. И опять удивился. Потому что замок доверху был забит зелёными иголками.

Как незнакомец ни старался, ничего не выходило. Бился-бился, бился-бился, почём

зря. Удача ускользала из рук. А тут ещё бдительность потерял. Потому что Ваня и Толя уже стучались в квартиру дворника Степана, что на три этажа ниже живет.

Так, мол, и так, бандит профессорскую квартиру открыть пытался, а сейчас к Ване домой лезет.

Степан сориентировался сразу: хвать из коридора лопату и вперёд, как был — в тапочках и в халате. Вор даже удивиться не успел: откуда тут взялся дворник?! Так быстро всё вышло. Руки вверх поднял и сам вниз спустился. А там его уже УАЗик дяди

участкового поджидал. Его Степан по телефону вызвал. Они бандита быстро сдали куда следует.

Вернулся Степан, ребятам помог. Дверь с петель снял. Замок разобрал. Почистил. Маслом машинным смазал. На место поставил. Толя с Ваней портфели забрали — и в школу.

Так простые еловые иголки помогли Ване с Толей задержать опасного преступника. Вот такая история. Хотите верьте, хотите нет.

Как Ваня от физкультуры отлынивал

Вообще-то физкультура была одним из любимых Ваниных предметов. Там думать не нужно. Поэтому на физкультуру Ваня приходил раньше всех. Но вот незадача: как только Ваня в раздевалке начинал снимать штаны, непременно вырубался свет, и становилось темно. Поэтому Ване приходилось то и дело выходить в коридор, чтобы набить кому-то морду.

В спортзале стояло много гимнастических снарядов: брусья, брёвна, «козлы», стойки с подвешенными планками. Самым любимыми для Вани из них были брусья. Ваня подходил к брусьям, брался за перекладину руками, начинал сильно вытягивать шею и интенсивно шевелить ногами. Издалека казалось, что Ваня подтягивается. На самом деле Ваня подтягиваться не умел. Он просто поджимал ноги. Но по-другому он подтягиваться просто не мог.

Обычно в начале урока класс бегал кругов этак десять, чтобы размяться. Ваня непременно запинался о какой-нибудь снаряд или сбивал по пути планку, которая находилась на уровне его головы. В зале сразу начиналась куча-мала. Все падали, поднимались, снова падали. Вокруг «свалки» бегал возбуждённый физрук, дул в усы и махал руками.

Никто в школе уже не помнил, когда и откуда в спортивном зале появилась гимнастическая дорожка. Но с появлением дорожки для всех в классе спокойная жизнь закончилась. Потому что на ней следовало несколько раз перекувыркнуться через голову вперёд и назад, постоять минут пять на голове и в кувырке вернуться на место. Кое-как это упражнение класс выполнял. Вот только Ваня…

Ну, куда ни шло ещё кувырок вперёд-назад. Но встать на голову! От этой перспективы у Вани даже темнело в глазах… Об этом не могло быть и речи. И Ваня всё время вставал в самый конец очереди. Пока однажды в воздухе требовательно не прозвучала его фамилия.

Ваня обречённо вышел из строя, подошёл к гимнастическому снаряду и… зажмурился. И вдруг какой-то внутренний голос ему прошептал: «Шлёпнешься! Упадёшь! Ушибёшься!» И Ваня от жуткой затеи сразу отказался. Он открыл глаза, наклонился и, не спеша, стал развязывать и завязывать шнурки на кроссовках, до тех пор, пока не прозвенел звонок.

Но, дорогой читатель, согласись, по-другому он сделать не мог. А то бы — ха-ха-ха! Не можешь! Ага, не можешь! Ха-ха-ха!

Чтоб дотянуть до конца четверти, Ване нужна была такая причина, чтоб комар не подточил носа. Причина — не ходить на физкультуру. Ваня думал и думал. Думал и думал. Наконец его посетила идея.

Он купил в аптеке бинт. Сунул с вечера в портфель бутылку кетчупа. Пришёл утром в школу заранее. Залез на чердак и, старательно пропитав бинт кетчупом, наложил на голову пять оборотов бинтов. Увидев Ваню, физрук даже прослезился и сразу опустил домой.

Весь остаток дня Ваня провёл в отличном расположении духа, а ночью в кровати мучительно придумывал новые способы «откосить».

На следующий урок физкультуры Ваня пришёл с перебинтованной рукой. Перебинтована была не вся рука, только кисть, потому что на всю руку Ване бинта не хватило. Но кисти было вполне достаточно, чтоб не вставать на гимнастическую дорожку. Физруку Ваня объяснил, что порезался. Физрук, ясное дело, поверил.

Через неделю Ваня пришёл с забинтованной рукой вновь. Только уже не с правой, а с левой. Потому что забыл, какая была в прошлый раз. Но физрук забыл тоже. И снова отпустил Ваню домой. Ваню уговаривать не надо. Мгновение — и след простыл.

В следующую минуту он уже прыгал вниз по ступенькам, весело размахивая портфелем и что-то напевая под нос.

И тут ему навстречу вышел Боря. Дело в том, что Боря во время «гимнастической дорожки» всегда отпрашивался в туалет, и про него с течением времени забывали. Боря минуту назад только что покинул буфет и потому был в отличном настроении.

— Помогает? — спросил Боря, кивнув на забинтованную руку.

— Только начал.

— А если накроют?

— Не накроют!

— А почему ты так уверен, что не накроют?

— Ну, пока получается.

Борька ещё немного потоптался на месте, потом спросил:

— Что делать-то будем?

— Давай в гастроном за мороженками сгоняем.

— Мороженое — это хорошо! — мечтательно согласился Боря. — Особенно с пепси-колой.

Последним из здания вышел Боря. Он — парень здоровый, топотистый, его далеко слышно.

На следующем уроке Ваня уже не изощрялся в выдумке. Он поступил проще — достал медицинскую справку. Как это ему удалось, неизвестно! Скорей всего, Вовка Шницель помог. Тот любую справку на компьютере за три минуты сделает. Главное, чтоб у вас в холодильнике котлеты были.

Физрук посмотрел на справку и одобрительно кивнул. А так как оценок у Вани никаких не было, поставил ему из жалости «отлично». Ване было очень приятно, просто замечательно. От удовольствия даже замер: не каждый день такое счастье выпадает.

Ещё бы — единственное «отлично» во всём классе. Вы спросите: почему единственное?

А вы попробуйте постоять на голове. Сами узнаете! Получилось? Вот и замечательно!

Клетка для кота

Был у Вани закадычный друг Якубовский Миша. Коротко кличка его была Потап. Спросите — почему Потап? Да просто звали друга Мишей. А Миша — медведь. Потому и Потап.

Потап, в отличие от медведя, был маленький, щуплый и весь рыжий. Невозможно было не рассмеяться, глядя на Мишу. Потому что волосы у него росли закорючками на голове, замотанные такие были. Учился он так себе. Обычно в четверти у него выходили два двояка, шесть троек, остальные четвёрки (одна или две). Ещё он никогда не приходил на первый урок, потому у него всегда были проблемы с учителями.

Раз в неделю перед школой Ваня с Мишей ходили в бассейн. После бассейна — опять в школу.

Во вторник Потап, как всегда, не пришёл на первый урок, потому что пошёл домой кушать. А первым был «русский». На «русском» училка — просто могила настоящая. Ужас, какая злющая! Приходит Потап на второй урок. А второй опять «русский». Сдвоенный оказался, потому что физрук заболел. Потап училке: извините, больше не буду, опоздал. А училка вдруг как заорёт, что все парты повалятся! Аж директор из коридора зашёл. Спросил, что, мол, у вас тут такое. А тут ещё и другие «опоздавшие» подошли. Никто же не знал, что урок сдвоен. А кушать хотелось всем.

И тут началось. Училка у всех дневники позабирала, двоек понаставила. Потап

посмотрел на свою двойку виновато, наверное, и сам не думал, что так выйдет. Совсем сник.

Ну, захотелось Ване после всего этого сделать Потапу что-нибудь приятное. «Пойдём, — говорит, — ко мне домой, я тебя бананом угощу. Мне бабушка всегда оставляет пару конфет, банан или яблочко в шкафчике на кухне. Это у нас игра такая. В постоянного деда Мороза».

Но вот они и пошли. Потап, не раздеваясь, побежал на кухню, Ваня двинулся за ним. Банан на кухне нашли, съели. И яблоко. Только конфет не было. Быть может, их Потап раньше Вани съел. Ведь он первый на кухню зашёл.

Сидят они, болтают ногами, не знают, что делать. И тут Потап увидел кота.

— А давай, — предложил Потап, — для твоего кота клетку сделаем. Для прогулок. Чтобы не убежал, когда во двор выносить станем.

И начали они строить клетку для Ванино-го кота из алюминиевого конструктора. Ване его в прошлый Новый год подарили.

Услышал кот про клетку, немедленно лёг и сразу притворился спящим (нашли птичку!).

Так вот. Собрали Ваня с Мишей эту клетку. Присоединили колёса. Запихали туда кота Барса, хоть он туда не хотел лезть. Улёгся Барс в клетке, осмотрелся и приготовился вздремнуть.

В это время Потап взял редуктор (он тоже прилагался к конструктору). Редуктор — это такое устройство, которое замедляет или ускоряет ход чего-либо. В него вмонтированы два электродвигателя. Они, работая, вращают за собой шесть шестерёнок. Шестерёнки приводят в движение вал, на который насажены алюминиевые колёса с резиновым бандажом.

От электродвигателей идут провода к пульту управления. Питание обеспечивается батарейками.

Так вот, подсоединили Миша с Ваней провода к пульту управления. Вставили в пульт четыре батарейки по полтора вольта каждая. Нажали на кнопку. Раз… и клетка поехала. Вместе с Барсом.

Бедный кот так перепугался, что шерсть дыбом встала. Оторопел, усы ощетинил. Сердчишко у него сильно застучало: «Тук-тук-тук-

тук-тук!» Весь от страха мяучит, бедный, шипит, сотрясается вместе с клеткой. А под клеткой уже пол дымится: мотор еле тащит Барса. А тот орёт во всё горло.

Остановилась клетка. Кот замолк. Весь в комок сжался, ушки опустил. Не знает, что ему делать — сидеть вот так или скорее бежать. Да как убежишь? Вместе с клеткой что ли?! Потому и стучит зубами, трясётся. В общем, вид у него неважный. Ну, Ваня с Мишей, значит, опять кнопку на пульте управления нажимают: клетка едет. Вырубают — стоит. Чудо техники.

Тут ребята думать стали: что бы ещё придумать? Решили в клетку и хомяка затолкать.

Потап домой за хомяком побежал. Недалеко он жил. За три километра. Быстро примчался. Только Потап клетку открыл, ну, чтоб хомяка внутрь затолкать, а кот вдруг как вырвется, как сиганёт из неё. Потап его — хвать.

А Барс в самую последнюю минуту как вывернется, как подскочит, как перевернётся в воздухе, как зацепится за занавеску. Зацепился и повис. На одной единственной лапе.

Занавеска от его тяжести как треснет! Кот так и полетел. Вылетел из комнаты стрелой. И — шмыг под ванну. Забился в самый дальний угол.

Как только ребята его не звали, не уговаривали, не просили. И колбасой выманивали, и кильку под ванну на нитке забрасывали: Барс — ни в какую! Одно только какое-то нечленораздельное ворчание.

Весь день Барс там просидел, примостившись где-то между пачкой стирального порошка и полуистлевшей тряпкой. Потом пришла бабушка и выгнала всех во двор.

Чудо в ботах

Во второй четверти в классе появился новый учитель. Павел Петрович Синюткин. Он был маленького роста. Бледный, тощий, как карандаш. Больше всего на свете Павел Петрович не любил двоечников. На двоечников у Пал Петровича была жуткая аллергия. А так как двоечников в классе хоть отбавляй, к концу учебного года всё тело у П. П. было во вздутиях, как после бомбёжки. В связи с одинаковостью инициалов и постоянной вспыльчивостью Пал Петровича Синюткина за глаза прозывали ПеПси.

На самом деле Пал Петрович был учителем географии. Хотя это мало что меняло. Ребята

на него не отвлекались. Они то и дело что-то выкрикивали, выскакивали из-за парт, плевались бумажными шариками. Пал Петрович едва доставал им до плеча, поэтому его иногда просто не замечали.

На видном месте у Пал Петровича стояли два бюста. Маркс и Энгельс. Говорили, что вытащил он их из груды мусора возле мэрии. Маленькие такие бюсты. Голова и немного плеч. Бюсты придавали ПеПси солидность.

И он ими очень гордился. Но всякий раз заходя в класс, ПеПси «лез пеной», потому что заставал отцов марксизма-ленинизма в весьма деликатном положении. Бюсты стояли под таким углом, что создавалось отчётливое впечатление, будто они целуются.

Красный, как рак, географ разносил Карла и Фридриха на безопасное друг от друга расстояние под истерический гвалт, хохот и спазматическое сползание под стол.

При незначительном росте ботинки П. П. носил капитальные. Самого большого размера. На очень высокой платформе. Ходить в таких ботинках было нелегко. Создавалось впечатление, будто обувь у ПеПси какая-то специальная, цирковая. Поэтому его так и звали — «чудо в ботах».

Чтоб не потели ноги, «чудо» боты во время урока снимал. Под столом. Однажды шутки ради ребята передали его ботинки на задний ряд. И, не нащупав их в нужный момент, географ испытал сильнейшее волнение. Ему так и пришлось провести весь урок сидя. В общем, несмотря на всю его серьёзность и начитанность, отношение ребят к нему было неправильное. Весёлое, беззаботное отношение.

И когда Павел Петрович ставил фильм про строение суши, весь класс требовал мульти-

ки. От этого географ делал страшное лицо и покрывался пятнами.

В конце года в школе проходили открытые уроки. Учителя к ним серьёзно готовились. Вынимали из шкафов скелеты и микроскопы. Протирали портреты великих писателей влажной фланелевой тряпочкой.

По той же причине и географ старательно стирал с парт ластиком забористую «народную» лексику. И даже достал из шкафа своё главное сокровище — вулканическую карту. Шедевр в трёхмерной плоскости. Собственноручно сотворённый из спичечных коробков.

Комиссия была солидная. Из ГОРОНО. Она ходила с важным видом по коридорам и наводила священный ужас на школяров.

А так как школа была с английским уклоном, демонстрировать градус наклона решено было на английском. Для этих целей срочно были переведены все надписи на дверях и стенах, и даже на географических картах…

Ночь для географа прошла без сна. Утром не полез в рот и кусок хлеба.

Члены комиссии сидели на задних партах с напряжёнными от значимости лицами. Географ робко вошёл в класс и беспокойным взглядом обвёл бюсты отцов марксизма-ленинизма.

Маркс и Энгельс стояли на безопасном друг от друга расстоянии. Только губы у Энгельса были густо накрашены вишнёвой помадой. А из правой ноздри Маркса торчала зелёная жвачка.

Сердце П. П. упало и разбилось на тысячу мелких осколков. Чтобы прикрыть срамоту, ПеПси срочно завесил бюст Энгельса картой Великобритании, а обезображенный бюст Маркса — картой Австралии. Обе на английском языке.

— Ребята! — тонким от волнения голосом начал Пепси. — Тема нашего урока — Великобритания. И о географических особенностях Объединённого Королевства нам поведает… поведает нам… Коля Муратов.

Коля вздрогнул. Покраснел. И начал вылезать из-за парты.

Коля был хорошим учеником, поэтому П. П. его и спросил. Но у Коли было одно отрицательное качество, про которое ПеПси не знал. А следовало. Коля катастрофически терялся на людях, от волнения забывая всё, что знал. И сразу синел.

— Итак. Смелее, Муратов, смелее, — подбодрил учитель посиневшего Колю.

— Сссс-соединённое карр-карр-рролевство…. Соединённое королевство… левство…

Великкк-кобритании и Ир-рландии находится… находится на… островах, — неспешно начал Коля.

— Верно, — перевёл дух Пал Петрович. — А теперь, Коля, подойди к карте и покажи! — улыбнулся географ.

И тут случилось самое невероятное, потому что Коля направился не вправо, а влево. То есть не к Энгельсу, а к Марксу. Точнее, не к карте Великобритании, а к карте Австралии крупным планом.

Улыбка исчезла с лица Пал Петровича, уступив место страшной гримасе. Так как вместо Северной Ирландии Коля жирно обвёл остров Танзания.

Со слезами на глазах П. П. слушал молодого Колумба, открывающего в Австралии всё новые английские города.

— Крупными городами Великобритании являются: Канберра, Сидней и Мельбурн, — в голове у Коли на минуту наступило просветление, и он радостно добавил, — столицей Соединённого Королевства является город Лондон. Тут Коля замешкался, потому что Лондон никак не находился. Его, видимо, просто забыли нанести на карту. Поэтому Коля сразу перешёл к рекам.

Отчего у географа резко запульсировала правая щека, и он начал покрываться пятнами.

Крупные реки Великобритании: Темза, Клайд… — считывал по карте Коля и уже по памяти добавлял, — Муррей, Дарлинг…

Тёплый язык Павла Петровича увлажнил раздувшиеся от волнения губы. Коля неспешно переходил к океанам.

— Великобританию омывают два океана, — водил указкой Коля, — восточные берега — Тихий, а север и юг — Индийский.

На секунду географу показалось, что он оглох. Отчего стал медленно оседать на пол, окончательно свыкаясь с мыслью провала.

Блуждающим взором Павел Петрович окинул класс. Один раз. Второй. И вдруг в его голове как будто переключился тумблер: невозмутимые лица членов комиссии вселили в него слабые надежды. Похоже, они так и не заметили «подмены». Да и какая им разница, нашёл Коля в Австралии Лондон или не нашёл. В конце концов, всё можно списать на особенности туманного Альбиона…

Воодушевлённый увиденным, Павел Петрович отправил Колю на место. Коля с облегчением положил указку и направился было к своей парте, как вдруг зацепился рукавом за торчащий из нижней рейки гвоздь, увлекая за собой многострадальную Австралию. Карта слетела вниз, обнажая суровый бюст отца

коммунизма. Бюст закачался. И в тот же момент из его правой ноздри выпала зелёная жвачка. Класс разразился весёлым смехом.

Перед глазами Павла Петровича замельтешили светящиеся штучки, зазвенело в ушах: он находился в тяжёлом нокдауне. Хотя, надо отдать должное, выдержал он до конца.

Дождавшись звонка, Пал Петрович торопливо распрощался с учёной комиссией и выскочил во двор.

Ему срочно требовалась огромная порция кислорода.

Эвелина Цегельник

Про Борьку

Борька был похож на баскетболиста. Только баскетболист рос в высоту, а Борька в высоту и ширину одновременно. Поэтому был звездой школьной футбольной команды.

В нападении он, конечно, ничего не смыслил. Зато в два раза перекрывал ворота. Поэтому за него боролись. Ведь протереться между воротами и Борькой было невозможно.

У каждого человека в жизни бывает хотя бы одна мечта (потому как большее их количество может и не осуществиться). Боря собирал бабочек. Поэтому мечтал о махаоне.

Можно представить порхающих в небе бегемотов и даже делающего сальто крокодила. Но грациозно зависшего над мотыльком Борю — никогда.

Да и какие могут быть бабочки в компьютерный век? Разве стоящий человек будет тратить своё драгоценное время на всякую там порхающую чепухню?

Так считали обитавшие под одной с Борькой школьной крышей соседи.

Странное увлечение. Да и что с него возьмёшь — Ботаник!

Надо сказать, бабочками Боря занимался всерьёз. Собирал. Сортировал. Привинчивал. Подбирал в тон цветные булавочки. Раскладывал по коробочкам. И даже зарисовывал.

Одним словом, «ехал крышей». И это его вполне устраивало. Вот только школа…

Школа отвлекала Борю от важного занятия. Поэтому ходить в школу Боря забывал, считая пустой тратой времени. А если ходил, никогда не записывал задания. Тренировал память. Поэтому и уроками себя не обременял.

Спрашивали его, правда, редко. В основном по неопытности новички-практиканты.

Боря медленно просыпался, продирал глаза, разминал затёкшие конечности и постепенно начинал вытаскивать живот из парты.

Парта с шумом поднималась вместе с Борей и несчастным соседом, чтобы через мгновение с грохотом рухнуть на место.

Попинывая зазевавшиеся портфели, Боря двигался к доске. По мере приближения Бори практикант нервно вжимался в стену, тараща обезумевшие от страха глаза: Боря нарастал, как скала…

Мел крошился в непослушных Бориных пальцах, сокрушая ломкую фанеру доски.

Почерк у Борьки становился всё мельче и мельче. Невозможно было узнать, что там за слово.

Но если не знаешь материал, зачем писать крупнее? И Боря писал ещё мельче.

Практиканты упирались в доску очками в попытках рассмотреть зашифрованный текст.

Но понять, что написал Боря, было всё равно невозможно.

Про то, как Борька пищей подавился

Не смотря на впечатляющие габариты, Борька был весьма безобидным. И хотя учился второй год в седьмом классе, обожал играть с малышами. Второклассники ему эти странности почему-то не прощали: габариты не те. Обзывали Гоблином, Шреком, Коротышкой или Злобным Орком.

И постоянно пакостили: то подсовывали сырое яйцо на стул, когда Борька пытался садиться, то заворачивали в фантики козьи какашки вместо конфет, то забрасывали в сумку прыгучих тараканов…

Боря на них не обижался. Боря думал о бабочках. А когда думаешь о бабочках, можешь съесть что угодно. Даже козьи какашки. Потому как находишься где-то в облаках.

По этой причине Борька запросто мог надеть толстовку на пижаму. Из-под пижамы выпирал огромный живот, в котором всё время совершалась революция.

Чтобы заглушить «залпы Авроры», Боре приходилось постоянно жевать: коржики, булки, печенье, запивая всё это неимоверным количеством жидкости.

Из Борькиной сумки вместо книжек и тетрадок высовывался целый продовольственный магазин. Торчали матерчатые мешочки, пакетики, бутылочки, бумажные коробки…

Но еды Боре никогда не хватало, и, чтоб ни с кем не делиться, Борька прятался на чердаке, где, воровато оглядываясь, быстро и жадно жевал. Но школьная мелюзга всякий раз находила его там, налетала, как воробьи. Боря от этого старался прятаться ещё крепче. Реже попадаться на глаза.

Но однажды с Борей случилось ЧП.

В этот день Боря принёс в школу пиццу. Огромную. Сочную. С нежно-золотистыми дольками чеснока, с большим количеством сыра и помидоров, залитую тёплым майонезом.

Пицца лежала в большой полосатой коробке, наполняя школу специфическим острым запахом.

Мелюзга, сглатывая слюну, быстро оценила ситуацию и моментально распределила, кто за кем будет кусать. Решено было гнать Борю на чердак…

Борька бежал наверх. Мелюзга не отставала: «Стой, Боря, стой!!! Дай куснуть! Чур, я сегодня первый кусаю! А я — два раза!»

Прижатый ватагой мелюзги к стене, Борька заметался взглядом по чердаку. Он прикидывал, сможет ли пролезть между стеной и кирпичной трубой. И обеспокоено разглядывал спасительное пространство. Габариты явно не подходили.

Толпа голодной мелюзги всё нарастала и нарастала. Борька почувствовал дикий ужас…

И тут ему в голову пришла отчаянная идея. Вытащив из коробки непропорционально огромную пиццу, Боря молниеносно толкнул её в узкую щёлочку рта.

Вокруг моментально наступила тишина. От увиденного малыши обалдели настолько, что несколько мгновений не могли не только говорить, но и двигаться. Боря сглотнул пиццу точно удав. Она застряла живым клубком, где-то между головой и плечами: потому что пицца была большая даже для Бори.

Борькины глаза напряглись так, что в них сразу лопнуло несколько капиллярных сосудов. Белки стали красными, как у быка. Дети попятились назад. Поживы дождаться было маловероятно: люди с такими глазами булок не дают…

Борька стал похож на бутылку с заткнутым горлом. Пицца, словно пробка, перекрыла путь воздуху внутрь. Борька издал хриплый рык. И, судорожно хватая руками воздух, начал надвигаться на ребят. Со стороны казалось, что на них наползает гигантский краб с выпученными донельзя глазами. От обилия чеснока у Борьки ручьём хлынули слёзы. Мелюзга притихла, не зная, что делать — плакать или смеяться.

Решено было мчаться за физруком.

Мощным рывком Демидыч сгрёб Борьку в охапку и выдавил из него пиццу. Пицца плавно булькнула на пол.

Мелюзга, словно стайка воробьёв, бросилась врассыпную…

Физрук задумчиво осмотрел габариты выпорхнувшей из Бориного нутра пиццы, затем на Борю, и пошёл осмысливать увиденное. А Борька, тут же забыв про все свои страдания, запихал торчащие во все стороны пакеты, и, вскинув рюкзак на спину, потрусил

вниз. До следующего урока оставалось минут семь, а следовательно, ещё было время перекусить в буфете.

Белый верх — чёрный низ

У нас в школе всё перекладывали с одного на другого, поэтому спросить было не с кого.

Но к этому уже все привыкли: каждый на кого-нибудь да что-нибудь перекладывал.

Прошлый раз по кругу так наперекладывались, что смотр песни и строя чуть не пропустили, а он как раз накануне 23 февраля был.

Вспомнили об этом за день до праздника.

А было так. Прибежал краснолицый физрук, песню, говорит, учить надо. Собрал в коридоре «негров» и давай песню учить. Ну, какую знал. А он только одну «Марусю» и знает.

Учили-учили, так и не выучили, потому что петь и маршировать одновременно не так-то просто. Надо сначала что-то одно выучить…

23 февраля в зале было многолюдно. Родители пришли вместе с детьми. Дети нарядные такие, с шариками стоят и цветами.

От этой всеобщей радости нам стало ещё тоскливее. Сидим, уныло в окно смотрим на дом и футбольное поле.

Тут вдруг нас объявляют. Поднялись мы, нехотя, вышли. Сразу толпа народа образовалась. Первым Борька стоит.

Физрук Борьку толкает, иди, говорит, честь отдавать. Борька — упирается.

Ну, вытолкнули мы его из строя. Идёт, озирается: кому честь отдавать — не знает. А ребята ему на географа Пал Петровича показывают.

Борька перед ним в струнку вытянулся, кричит: «Здравия желаю, товарищ главнокомандующий!» А тот покраснел и головой на майора кивает.

Тут музыка зазвучала. Борька майору честь отдал, мы и пошли. Не сразу, конечно, но пошли (когда музыка вновь заиграла). А тут Ваня примчался, опоздал, как всегда. В строй встал, народ спрашивает: «Что поём, мужики?!» А ребята над ним возьми да подшути: «Мурку!» Ну, он и запел…

В общем, идём, поём, кто что знает. Один — начало, другой — конец. Но слух же у всех разный. Разноголосица вышла. Зал ржёт, а мы, знай себе, шуруем. Кто — в лес, кто — по дрова.

Физрук с краю бежит, командует: «Левой, правой, левой, правой!» И во всё горло гнусавым голосом поёт:

«Маруся от счастья слёзы льёт,
Как гусли душа её поёт.
Как-как-кап из ясных глаз Маруси
Падают слёзы на копьё».

И мы поём, каждый своё, что на душе наболело. Один — «Мурку», другой — «Марусю», третий — вообще что-то из «Руки вверх». Потому как «правильную» песню лишь два человека знали: физрук да Канарейкин.

Но Ромка Канарейкин заикался. Причём со страшной силой. Поэтому, как застрял на слове «кап» в начале песни, так всё сойти не может. Идёт, «поёт» во всё горло, старается коллектив спасти. Физрук уже третий куплет допевает, а у Романа всё «кап».

Ребята ему: «Ромка, кран закрой!» — подначивают.

Тут вдруг у физрука случился приступ ревматизма. Он стал с трудом передвигаться и поспевать за нами уже не мог. А Ромка уже красный, как рак, но всё с «кап» сойти не может.

Мы боялись, как бы ему не стало хуже, всем классом слова подсказывать стали. А он всё: «кап-кап» да «кап-кап». Зациклился,

значит. Ни туда ни сюда сойти не может. В итоге весь зал на пол сполз, захлебнулся от смеха.

А я не пел. Потому что пришёл в чёрном, а нужно было в белом, точнее, «белый верх — чёрный низ». Меня в строй не взяли. Так и сидел на скамье весь смотр. И слава богу. Потому что кое-кто из наших до финиша сухим не дошёл (ну ржали ж во всё горло).

За первое место приз полагался — большой торт. Наш класс занял последнее.

Но Борька не растерялся: схватил торт и бегом к выходу.

Неточный удар

Если у тебя есть друг — это замечательно. А если у тебя с другом одинаковое хобби — это замечательно вдвойне. У нас с Ваней хобби совпадало. Играли «в прикидку».

Научил нас этому один Ванин приятель. А через неделю «в прикидку» играли все. Игра охватила школу, как эпидемия гриппа.

Для игры требовалась монета. Причём любая. Но брали обычно двухрублёвик: у него

калибр подходящий. Раскручивали вокруг оси, запускали и подгоняли щелчками от одного к другому.

Чтоб продержать монету на ребре, нужно было приложить немалые усилия. В какой-то момент игрок замирал, и вся дальнейшая траектория монеты зависела от точности щелчка.

Проигравшим считался тот, у кого монета падала. Это приводило всех в восторг. Потому что главным приколом в игре было наказание.

Жертву бомбили по кулаку вот этой же самой монетой.

Существовала даже специальная технология: проигравший клал кулак на подоконник и подвергался обстреливанию со всех сторон. Пальцы при этом у ребят служили рогаткой: большой отводили назад, а указательный и безымянный — ставили шалашиком.

Под большой палец клали монету, которую затем с силой швыряли вперёд. Удар получался конкретный. Я на себе пробовал — не очень приятно. А так как играло обычно до десяти человек и более, кулак отбивался капитально: писать бедолага уже не мог. Он шёл домой. Ещё бы, ребята «стреляли» с особой точностью.

Играли обычно до звонка. Но тот раздавался в самый неподходящий момент. И чтоб звонок не звонил, его залепляли жвачкой.

Когда не было жвачки, просовывали между бойком и колокольчиком скрученную бумажку или пустой спичечный коробок. Тогда звонок бренчал чуть слышно.

А иногда достаточно было обычного шнурка из ботинка. Рядом со звонком на ржавом гвозде висела табличка: «Не влезай, убьёт!». Боёк привязывали как раз к этому самому гвоздю. Хотел он того или нет, звонить всё равно не мог.

Минут через пять после бесполезных попыток дать сигнал, к звонку подбегал школьный завхоз и начинал отдирать от бойка километры жвачки. А учителя тем временем зычным голосом зазывали ребят в классы. Было смешно.

А тут случай такой. Заигрались однажды мы с Ваней, звонка не слышим. С нами ещё человек пять. Стоим, монету катаем. Кругом все бегут. А Ване как раз черёд водить. Ваня долго прицеливался. Рука даже задрожала от напряжения. И тут его кто-то сзади неосторожно толкнул. Монета упала. Ваня на мгновение застыл, даже дышать перестал. Рожу сморщил, будто чихать хотел. Говорит: «Ой, мне надо в одно место!» — и бежать.

Толпа за ним. Во-первых, монету уронил, во-вторых, урок давно начался. Ребята кричат: «Стой, Ваня, ставь кулак!» А Ваня: «Встретимся в классе!» И в первый попавшийся кабинет нырнул… Всё — испарился!

Ребята туда-сюда: где Ваня?! Заглядывают в класс, а там одиннадцатый класс контрольную по математике пишет…

А Ваня половину класса прошёл, сел на свободное место, тетрадку как ни в чём не

бывало достал и писать начал. Даже мыслительный процесс на лице изобразил.

В классе сразу гнетущая тишина установилась: все на него смотрят. А тут училка заходит, какие вы молодцы, говорит, сидите тихо!

Я тихонько от двери отошёл и побежал дальше. А Ваня остался. Ну, кто его, шестиклассника, в одиннадцатом классе искать станет?! Сидит бедолага, примеры решает, думает, как быть дальше.

И тут его осенило. Даже на месте подпрыгнул. Встал Ваня, под партами прокрался, незаметно из класса вышел, на этаж ниже спустился.

Приставил к звонку стул и перепилил лезвием перочинного ножа провод. Нет звонка — нет перемены! Век врагам на уроке сидеть! Поди Ваню достань… пока разберутся — что к чему, да починят, Вани уже след простыл.

Цепь у звонка, как известно, замкнутая. Кнопку нажмёшь — цепь замкнётся, звонок зазвенит. Отпустишь — цепь разомкнётся, звонок замолчит. Ваня проводок «чик» — цепь и разомкнулась.

Напоследок, улыбаясь, Ваня кнопку звонка со всей силой нажал, а она и залипла. Звон такой начался, аж уши заложило: не тот проводок, оказывается, Ваня перепилил, с физикой у него туговато.

А вокруг ученики забегали, кричат, радуются, что урок так быстро кончился, монеты по подоконникам катают.

А Ване всё никак не сойти с места.

Насмерть перепугался.

Находчивость

В школе у нас разделение было на «металлистов» и «реперов». шестой «А» — металлисты, шестой «Б» — реперы.

Реперы своих по широким штанам узнавали, металлисты — по железу, словно намаг-

ниченные, друг к другу притягивались. Как своего в школьном буфете увидят, вмиг намагничиваются, деньги друг другу через головы передают. А свой им назад, как по конвейеру, пирожок отсылает.

Не всегда, конечно, пирожки целыми доходят: за эскалатор платить приходится. Но металлисты — народ не жадный, кусай, сколько хочешь.

Вот реперы… Реперы ещё те люди, потому что это они у металлистов пирожки откусывают. По политическим соображениям.

И народ они такой дикий, всегда через толпу прорваться пытаются. Ныряют в неё с разбегу.

А то ещё фишка у них такая: загрузят буфетчицу двумя горстями мелочи и тормозят всю очередь. На полчаса, чтоб металлистам времени поесть не осталось.

Ну, а в этот раз Ваня дожидаться не стал, пирожок, что металлисты по конвейеру передавали, надкусил два раза и дальше послал. А дальше директор школы стоял. Это его пирожок был…

Вытащил директор Ваню из толпы за ухо, к классной повёл.

Классная — Капа, английский ведёт; человек тонкой душевной ориентации (среди учителей ведь тоже люди бывают). Как увидит,

что кто-то кого-то притесняет, сразу к себе ведёт. Закроется в кабинете — мало не покажется.

Криков, конечно, нет, но, извините, мало приятного, потому что сверлит твою совесть словами Капа почище зубного врача…

Так вот, завёл директор Ваню в учительскую, а Капы нет. Директор туда-сюда, не видно. Иди, говорит, пока на урок. А следующим уроком было пение.

Учитель пения Павел Алексеевич — человек увлечённый. Пластинку поставит, глаза закроет и слушает. Пластинка кончится — на новую меняет. А между делом к доске вызывает, мнением поделиться.

Но к доске не пройдёшь — застрелят. Потому что первый ряд с третьим баталии устраивают. Второй у них прикрытием служит. Сидят, друг в друга из трубок постреливают. Правда, до третьего ряда не всегда долетает, но до второго — точно.

Зашёл Ваня на пение, сел на место. Духовое ружьё достал (четыре связанные между собой трубки), дунул, что есть силы. Красиво пошло, ровно. Только не в первый ряд, а соседу в ухо. Соседом этим я был, взвыл, конечно. А Павел Алексеевич как раз спрашивает, кто мнением своим поделится. Меня и спросил.

Стою у доски, а класс меня из всех орудий лупит. Весь бумагой оплёван. На пиджаке ни одного свободного места. Тут Капа заходит. Меня увидала, за сердце схватилась. Воды, говорит, воды! Нежная у нас она больно, впечатлительная.

Ну, Ваня, как в фильмах-блокбастерах, не растерялся, сорвался с места, ведёрко, что у доски стояло, схватил, на Капу вылил.

Стоит Капа, глазами хлопает, вода с неё на пол ручьями льётся. Веди, говорит, Ваня, родителей в школу, срочно! А Ваня всего-то помочь хотел. Обидно.

Идёт Ваня по коридору, вздыхает. О жизни своей никудышной думает. И тут ему на плечо легла тяжёлая рука. Ваня испуганно обернулся и увидел того, кого боялся увидеть больше всего на свете, — Кешку-металлиста с дружками из шестого «А».

Ваня вчера в автобусе ехал, им язык из автобуса показал.

Окружили его металлисты, спрашивают: «Чё язык показывал? Против «металла» что ли?»

А Ваня струхнул, оправдываться начал. Люблю, говорит, металл и металлистов тоже. А металлисты — народ вспыльчивый, цепями забрякали, кричать принялись, всякие сло-

весные конструкции придумывать. А Ваня стоит, молчит, не мешает, тут главное, чтоб выговорились, бить не стали…

Тем более Ваня сказал, что язык он директору школы показывал, мол, тот позади металлистов стоял. Металлистам ответ понравился: вот она, отчаянная храбрость героя!

А Ваня вздохнул с облегчением и бежать. Жить захочешь — и не такое загнёшь.

Влюбчивая Люба

Люба сидела впереди нас. На третьей парте первого ряда. И поэтому вся её школьная жизнь происходила непосредственно перед нашими глазами…

С первого класса Люба была ужасно влюбчивая. Только влюблялась она не в ребят, а в учителей. И это было забавно. Такая маленькая. Лица из-за парты не видно. А туда же: любовь!

Мне было ужасно интересно посмотреть, что из всего этого получится.

За первой учительницей Люба ходила по пятам, провожала до дома и из дома, а по воскресеньям ходила к ней мыть полы…

Когда мы наконец закончили четырёхлетку и у нас появилась целая куча учителей, сердечные дела у Любы пошли вразброд. Дело в том, что у учителей в нашей школе существовала своего рода солидарность: в учеников не влюбляться. Они влюблялись в кого угодно и даже (о, ужас!) друг в друга. Поэтому со взаимностью у Любы дела обстояли не лучшим образом.

Так в прошлом году Люба любила Тамару Васильевну — учительницу химии. Предмет учила досконально. И даже на химический кружок ходила (после уроков).

Химичка (в миру «химера») — с короткой стрижкой и страдающими глазами — была довольно строгая. Когда она входила в класс, то сразу становилась гробовая тишина. Люба ради неё готова была победить даже на Всемирной химической олимпиаде: такая была высокая у неё любовь.

Но однажды случилось непоправимое: Люба пролила кислоту на ажурную бежевую кофту. Кружева на кофте расплавились, а Люба получила ожог. На этом любовь к химии сразу закончилась (кофту Люба любила немножечко больше). Неприятное начало…

Похожим образом дело обстояло и с Галиной Борисовной — учительницей английского

языка. Она была настоящая блондинка, как из журнала мод. Красивая, словно артистка. Люба воспринимала её как богиню. Всё в ней ей нравилось: и как ходит, и как голову поворачивает, и как говорит, и как причёсывается. Люба даже пыталась делать такую же причёску себе.

Но однажды случилось непоправимое, просто ужасное. Люба увидела Галину Борисовну в женском туалете, в весьма недвусмысленной позе.

«Боже мой! — плакала Люба. — Она, оказывается, такая же смертная, как все! А я её так боготворила! Так боготворила!»

Люба была потрясена.

Её новой любовью стал Сигизмунд Петрович — учитель математики. Серьёзный, степенный мужчина. Лет сорока шести.

У Любы с Сигизмундом Петровичем даже язык какой-то свой выработался — математический: понимали друг друга с полуслова. И, пока класс плюхался с одной-единственной задачкой, учитель приносил Любе «специальные листочки». Это было так романтично. Так таинственно.

Любе всегда казалось, что где-нибудь в них, между строчек, будет написано: «Люба Петренко, я вас люблю!» Ах, как она искала эти

слова! Как ждала. Но слов таких в листочках никогда не было — одни цифры.

Сигизмунд Петрович забирал решённые задания и шёл за новыми. Люба вслед тоскливо вздыхала, на её глаза наворачивались слёзы. Конечно же, Сигизмунд Петрович не знал, что это любовь, а если бы знал, то сильно бы он удивился.

Почему это так бывает — никто не знает, но любовь всегда приходит тогда, когда не надо. От отчаяния Люба даже заболела.

И тут в школе появился Гена Вяткин — новый учитель физики. Гена Вяткин только что закончил пединститут и был весьма перспективным. По крайней мере, так говорил про него директор школы, который «клал» на него большие надежды. Любу как подменили. Она неожиданно полюбила физику. Гена, в отличие от мрачного Сигизмунда Петровича, обладал нравом порывистым, живым. Поэтому одновременно ухаживал и за Тамарой Васильевной, и за Татьяной Арнольдовной, и за тремя студентками-практикантками, чем очень разочаровывал Любу. Душевные переживания она молча носила в глубине своего детского сердца.

Татьяна Арнольдовна — была человеком с неординарной внешностью: маленькое птичье лицо, крошечный ротик, длинный с горбинкой

нос и чёрные навыкате глаза. Люба никак не могла понять, за что Гена Вяткин полюбил Татьяну Арнольдовну?! Но вот Татьяна Арнольдовна стала вести у неё литературу. И всё прояснилось.

Стоило Татьяне Арнольдовне раскрыть рот, как Люба мгновенно забыла и про нос с горбинкой, и про редкие зубы, и про птичий подбородок. А через минуту не помнила даже про отсутствие левого уха (вместо которого у Татьяны Арнольдовны было большое родимое пятно). Люба слушала, раскрыв рот. В самом деле, ведь было так интересно!

Люба смотрела-смотрела на Татьяну Арнольдовну и решила: «Ну и пусть! Пусть птичье лицо и уха нет! Это не главное в жизни!»

Она решила совершенно правильно. Действительно, разве так важно, есть у тебя ухо или нет, если ты интересный человек.

Но так случилось, что в конце четверти в школе произошла замена. Татьяна Арнольдовна вышла замуж за Гену Вяткина и уехала с ним в деревню, а дядя Вася, школьный баянист, ушёл на пенсию. Так в школе появился Павел Алексеевич. Учитель пения и… литературы.

Стоило Павлу Алексеевичу запеть, и Люба тотчас в него влюбилась. Да и как не влюбиться?! Ведь такого густого бархатного

баритона Люба не слышала в своей жизни ещё никогда. А как он играл на пианино — Люба просто обмирала.

Она стала очень музыкальной. Целыми днями просиживала за аккордеоном. И когда Павел Алексеевич стал искать, кому выступать на юбилее школы, сразу же подняла руку.

Вышла Люба на сцену. Посмотрела в зал. А в зале народу полно: учителя, старшеклассники, ребята из соседней школы. И тут Любу такое смущение взяло, такая дрожь в ногах появилась — чуть инструмент не выронила. Тут кто-то ей на сцену стул вынес. Села Люба на стул ни жива ни мертва. Ногами за передние ножки стула зацепилась, чтоб аккордеон не выронить, и стала играть. После первых аккордов пот выступил, а после вторых — в глазах потемнело. Не помнит, как и доиграла. С тех пор любовь к музыке быстро прошла. А мысли были заняты только Люцией Александровной — учительницей физкультуры.

Люция была женщина полная, дородная. Фигура её по форме напоминала бутылку. Голова и шея — горлышко. В школе её так и дразнили «бутылка».

Люба и до этого была очень спортивная девочка. Ходила на волейбол, бегала на лыжах, в соревнованиях участвовала. А тут просто

неистово начала заниматься спортом. Прыгучая очень стала. Особенно хорошо Люба через «коня» прыгала. В школе «конь» был такой, гимнастический. Люция Александровна его всё поднимала и поднимала, а Люба прыгала. Лучше всех. Поэтому-то Люция Александровна её однажды и вызвала показать, как прыгать надо.

Она так и сказала: «А теперь Люба Петренко выйдет и всем покажет, как правильно выполнять это упражнение!»

Люба вышла. Сияет от счастья. Душа поёт. На «бутылку» с восхищением смотрит. А «бутылка» от коня отходит (чтоб кубатурой картину не загораживать), не страхует Любу.

Разбежалась Люба как следует, оттолкнулась, вперёд полетела. Ноги через «коня» переносить стала. А в обшивке «коня» — дырка (это десятый класс вчера по залу скакал: дурью маялся). Люция Александровна про дырку не знала. И тут у Любы то ли от волнения, то ли по невнимательности нога в эту дырку-то и попала. Со всего размаху.

«Бах!!!» — с грохотом взорвалось сердце. Люба — вверх тормашками. Шлёп на пол. Зал хохочет, со скамеек валится: тоже мне, показала, как прыгать надо. Смешно ведь получилось. Очень.

А Любе не до смеха. Только хотела она встать, а руку распрямить не может: кость из руки наружу вылезла. Люба кричит: «Рука! Рука!»

А зал знай себе надрывается: думает, дурачится Люба, нарочно подыгрывает. А Люция Александровна вдруг как подпрыгнет, как закричит: «Ой, не трогайте её! Ой, не трогайте её!» — поняла, видно, что у Любы рука из сустава вывернулась.

И в самом деле, рука у Любы как подушка стала: опухла моментально. Люция Александровна накинула на Любу какую-то одежонку — и в больницу.

А в больнице — всё белое, стерильное. Везде кафель. На потолке лампы зеркальные. И в синем халате хирург — доктор Красик. Чёрноволосый, в очках. «Что у вас болит, милая барышня?!» Такой внимательный, обходительный. Красивый замечательно.

Влюбилась в него Люба моментально. И так захотелось ей сразу врачом стать. Даже сердце сильнее забилось. Так что, пока пять ассистентов доктора Красика ей руку на место вправляли, стояла, молчала, как партизан. Ни слова не проронила. Губу в кровь закусила и только на своего доктора Красика смотрит. Вот до чего влюбчивая!

Пропавшая контрольная

Произошло это после того, как три десятых класса нашей школы написали контрольную по математике.

Уже смеркалось. Учительница несла тетрадки учеников к себе домой. И тут случилось такое…

Вдруг из подворотни выбежал какой-то паренёк, выхватил из её рук сумку и помчался прочь. Спортивная шапочка, невзрачная куртка. Ну явно вор (воры, они как можно скромней одеваются, чтоб легче с толпой слиться).

Паренёк тот давно уже уныло тусовался в тёмном переулке, старался не слишком бросаться в глаза, клацал зубами и ждал, когда кто-нибудь пройдёт мимо.

Наконец, в переулке замаячил одинокий силуэт, и вырисовались знакомые очертания сумки.

Судя по габаритам отбрасываемой тени, сумка была очень большой. Воришка приободрился. Натянул поглубже шапку, выбежал из-под арки, сумку из рук хвать — и тикать (он-то не знал, что там тетрадки).

А учительница развернулась и вслед ему кричит: «Молодой человек! Не забудьте, когда проверите, вернуть в школу! И не стесняйтесь, заходите в учительскую!»

Паренёк немного смутился, на секунду замедлил ход, с недоверием посмотрел на сумку и… побежал дальше. В общем, утёк не знамо куда.

Во прокололся пацан, смешно вышло. Конечно, не для несчастного воришки, а для той учительницы, которая стояла теперь посреди улицы, махала руками и изводила его всеми доступными средствами.

Немного попереживав утрату тетрадей, учительница радостно прибавила ходу: вечер сегодня свободен!

Не стоит и говорить, как отразились все эти хулиганские действия на учащихся нашей школы.

Тетрадки, конечно же, не нашлись. Школьники не получили назад свою контрольную. Но это, без сомнения, было приятно узнать каждому. Всё были довольны (кто бы сомневался!).

Нашим десятым классам позавидовала даже соседняя школа. Ещё бы, не каждый раз выпадает такое счастье — потерять «четвертную» контрольную. Особенно по математике.

«Повезло, — вздыхала соседняя школа, — вот если бы это случилось у нас!»

Примерно через месяц жители нашего города могли наблюдать преудивительную картину: по реке вслед за вскрывшимися льдинами плыла вереница раскрытых тетрадок. Зелёных, голубых, розовых, синих. Возможно, это была та самая контрольная.

Но так как тетради в воде сильно размокли, утверждать это никто не брался.

Вы скажите: «Не может такого быть!»

Спросите у любого в нашей школе.

Содержание

Новенький 6
Про то, как Ваня подставил
Марь-Ванне дружеское плечо 9
Урок геометрии
или Полный провал резедента. 19
Про ёлку или как Ваня и Толя
бандитов ловили. 25
Как Ваня от физкультуры отлынивал . . 37
Клетка для кота 45
Чудо в ботах 53
Про Борьку 66
Про то, как Борька пиццей подавился . 70
Белый верх — чёрный низ. 76
Неточный удар 82
Находчивость 90
Влюбчивая Люба 97
Пропавшая контрольная 111

Литературно-художественное издание
для детей младшего школьного возраста

Эвелина Цегельник
Улыбаясь уголками рта
Рассказы для детей
elka.delfinn@mail.ru

Фотосессия — Артём Малышкин
Фотомодели:
Ангелина Будная
Мирослава и Милан Малышкины

Подписано в печать 20.02.2017 г.

Verlag «STELLA»
Bundesstr.52
72379 Hechingen
Deutschland
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 9783957720917

